

Цзи Цинбай с глубокомысленным видом сказал:

— Не спеши, ты в прошлой... то есть, выглядишь как человек, который женится поздно.

Лу Чаншэн молчал. И это хорошие слова?!

— Характер у вашего молодого господина не очень хороший, да? Часто на тебя злится?

Лу Чаншэн удивленно посмотрел на него.

Цзи Цинбай с видом человека, который его прекрасно понимает, сам с собой говорил:

— Не принимай близко к сердцу, потом он станет лучше, потерпи еще немного.

Лу Чаншэн был в полном недоумении. О чем вообще этот монах несет такую околесицу? Неужели ему жизнь не дорога?!

Они поговорили еще время, необходимое на одну чашку чая, конечно, почти все время говорил один Цзи Цинбай, Лу Чаншэн слушал, его лицо то зеленело, то бледнело. К концу его болтовни, возможно, он сам не заметил, как проронил что-то вроде:

— Ваш молодой господин обычно не любит есть цветную капусту, да? Это полезная вещь, уговори его есть побольше.

Лу Чаншэн обычно не прислуживал господину вплотную, поэтому невольно спросил:

— Откуда ты знаешь, что наш господин не любит цветную капусту?

Цзи Цинбай моргнул и только тогда осознал, что в волнении проговорился.

К счастью, из внутренней комнаты снова донеслись звуки кашля. Лу Чаншэн уже не стал дожидаться объяснений Цзи Цинбая, поставил чашку и быстро вошел внутрь.

Вскоре Лу Чаншэн вышел, с бесстрастным лицом сложил ладони в приветствии, не глядя на Цзи Цинбая, равнодушно произнес:

— Настоятель, моего господина просит вас.

Цзи Цинбай встал, поправил монашеское одеяние, в душе почему-то постепенно начало возникать беспокойство.

Следуя за Лу Чаншэном, он обошел ширму, но на кровати никого не было. Цзи Цинбай только удивился, как услышал скрип колес, катящихся по полу. Он посмотрел в направлении звука и увидел юношу, прекрасного, как цветок и яшма, сидящего в инвалидной коляске, с распущенными длинными волосами, с болезненным и изможденным лицом.

Цзи Цинбай замер, глядя на него.

Взгляд медленно опустился на ноги того человека.

Брови и глаза юноши были словно вышиты на парче, слегка дрогнув, образовали мелкую складку. Он спросил:

— О чем ты плачешь.

Цзи Цинбай вздрогнул от звука, медленно протянул руку, провел по лицу и только тогда с удивлением ощутил прохладную влагу.

Лу Чаншэн никогда не видел, чтобы монах сразу начинал плакать, да еще перед своим господином.

Он осторожно взглянул на человека в инвалидной коляске. Господин редко не проявлял явного недовольства, спокойно сидел, наблюдая, как Цзи Цинбай льет слезы.

Цзи Цинбай, вероятно, тоже счел свое поведение несколько неприличным, поплакав немного, вытер слезы, сложил ладони и, слегка смущенно, сказал:

— Этот бедный монах — настоятель храма Туошань, имя Цинбай.

Лу Чаншэн кратко изложил:

— Моего господина зовут Тань.

Сказав это, не добавил больше ни слова.

Солевой торговец из Двуречья, которого разузнал Цзи Цинбай, должен был носить фамилию Фан, поэтому изначально он не связывал это с судьбой Будды-Почтенного. Но в такое время прибыть в Чаолин, да еще с такой свитой, скорее всего, это должна быть знатная семья.

Поскольку другая сторона остерегалась его, как вора, Цзи Цинбай не стал настаивать. Снова сложив ладони, он поклонился и предложил остановиться в храме.

Лу Чаншэн, опустив глаза, молчал, наблюдая за своим носом и сердцем, как вдруг услышал, как господин равнодушно произнес:

— Тогда утруждаю настоятеля.

Лу Чаншэну показалось, что ему послышалось.

Господин взглянул на него, отдал распоряжение:

— Пусть Фан Чи все уладит.

Лу Чаншэн лишь на мгновение замешкался, поспешно согласился и вышел из повозки, чтобы найти Фан Чи.

Оставив Цзи Цинбая одного в повозке лицом к лицу с человеком в инвалидной коляске.

— Мое единственное имя Чжан, — Тань Чжан, глядя на Цзи Цинбая, неожиданно сказал. — Прозвище Цзюя.

Цзи Цинбай опомнился, мягко улыбнулся и тихо окликнул его:

— Маленький господин Тань.

Тань Чжан не проявил особой реакции. Он и Цзи Цинбай какое-то время смотрели друг на друга, затем он снова спросил:

— Почему настоятель только что заплакал?

Цзи Цинбай смутился, смутно придумал оправдание:

— Маленький господин похож на одного моего старого знакомого, внезапно увидев... на душе стало тяжело.

Тань Чжан пережевывал в уме слова «старый знакомый», вдруг усмехнулся, тон слегка похолодел:

— Людей, похожих на меня, не так много.

Цзи Цинбай не уловил скрытого смысла его слов, одной рукой сложил буддийский жест, горячо сказал:

— Маленький господин — личность, подобная звездам, освещающим луну, естественно, в мире нет второго такого.

Вероятно, подобной лести Тань Чжан наслушался предостаточно, на его лице не появилось никаких дополнительных эмоций. Он позвал слугу в повозку, чтобы причесать его, и сделал простой пучок.

Цзи Цинбай завидовал его густым темным длинным волосам, невольно засмотрелся, и как раз был замечен господином.

— Сколько лет осталось маленькому господину до совершеннолетия? — В конце концов Цзи Цинбай не выдержал и спросил.

Тань Чжан долго молчал, сжал губы, неохотно ответил:

— Четыре года.

Цзи Цинбаю показалось, что перед глазами потемнело, он с трудом улыбнулся, насильно выдавил:

— Господин действительно, эм... молод и перспективен, подает большие надежды.

Когда Лу Чаншэн вернулся в повозку, он обнаружил, что между его господином и монахом царит странная удушающая атмосфера молчания.

Он был совершенно озадачен, но не смел при Тань Чжане прямо спросить Цзи Цинбая, поэтому лишь с видом простака сел в стороне, даже глазом не моргнув.

К счастью, дорога до храма была недалеко. Как только повозка остановилась, маленькие послушники с задней повозки уже не могли дожидаться, наперегонки выпрыгнули наружу.

Прибывшие имели величественный вид, даже два храмовых настоятеля вышли их встречать. Бо Цзин за пределами повозки Тань Чжана кричал Цзи Цинбаю:

— Настоятель-учитель! Настоятель-учитель!

Настоятели переглянулись, в глазах читалась тревога, они с опаской поглядывали на Фан Чи снаружи.

— Осмелимся спросить, наш настоятель в повозке?

Услышав голос, Цзи Цинбай, боясь недопонимания, поспешно приподнял занавеску повозки и с беспомощной улыбкой сказал им:

— Учитель здесь, не ведите себя непочтительно.

Настоятели облегченно вздохнули, поклонились настоятелю и только тогда спросили о прибывших.

Фан Чи лишь сказал, что они едут в Чаолинь по торговым делам, столкнулись с неприятностями от конкурентов, некоторые были ранены, и хотели бы временно остановиться в храме, чтобы восстановить силы какое-то время.

Два настоятеля не очень одобряли одномоментное размещение такого количества людей, но раз Цзи Цинбай согласился, им пришлось принять.

Близился вечер, большинство паломников уже разошлись, несколько оставшихся тоже не привлекали внимания. Фан Чи распорядился, чтобы подчиненные приготовили пустые кельи, и, не церемонясь, вскоре все было готово.

Лу Чаншэн катил инвалидную коляску, скрипя, она переехала через каменные плиты главного зала.

Проезжая перед статуей Безмерного Будды, коляска вдруг остановилась.

Тань Чжан поднял голову, глядя на золотого Будду. Глаза Будды были опущены, с состраданием смотрели на него.

Лу Чаншэн наклонился и спросил:

— Господин, не хотите ли возжечь благовоние?

Тань Чжан посмотрел немного, затем отвернулся, холодно сказав:

— Я в него не верю, зачем мне ему поклоняться?

Лу Чаншэн не осмелился больше говорить, покатил коляску дальше, не задерживаясь.

Цзи Цинбая окружили два настоятеля, выражения их лиц были не очень хорошими.

— Настоятель не ранен? — взволнованно спросил настоятель внутренних покоев.

Цзи Цинбай покачал головой.

— Я же в порядке.

Настоятель внешних покоев раздраженно сказал:

— Бо Цзин сказал, что тебя силой увели, они тебя точно не ранили?

Цзи Цинбай испугался.

— Детские пустые разговоры, как вы можете им верить?

Настоятель внутренних покоев нахмурился.

— Прибывшие — не простые люди. Я только что видел, многие ранены. Настоятель знает, какую фамилию носит тот молодой господин в инвалидной коляске?

Цзи Цинбай не хотел много обсуждать Тань Чжана, принял строгий вид, в словах сквозило нравоучительное значение:

— Не смотри на то, что не должно быть увидено, не говори того, что не должно быть сказано, не слушай того, что не должно быть услышано. Поскольку бедному монаху выпала встреча, помочь людям в добром деле — это должно быть.

Настоятель внутренних покоев хотел что-то сказать, но настоятель внешних покоев остановил его. Они обменялись взглядами, и настоятель внутренних покоев смягчил тон.

— Ученики просто беспокоятся об учителе, боятся, что вы навлечете на себя неприятности.

— На какие неприятности может навлечь учитель? — Цзи Цинбай не понимал, улыбаясь, сказал:

— Уже почти наполовину в земле человек, не попадешь в беду.

Настоятели молчали.

Келья, где остановился Тань Чжан, хоть и была небольшой, но планировка была очень изящной. Поскольку находилась на горе, перед домом был дворик, где росло пышное дерево магнолии.

Сейчас было начало лета, листьев было много, но бутонов почти не было видно. Лу Чаншэн взглянул несколько раз, интерес пропал, он уже собирался войти в дом, как вдруг увидел, что Тань Чжан сам выехал в инвалидной коляске.

— Период цветения магнолии еще не наступил, — сказал Лу Чаншэн. — Господин, сначала сменить повязку?

Тань Чжан махнул рукой, давая понять, чтобы тот замолчал. Лу Чаншэн мог только отступить.

Господин некоторое время любовался деревом, вдруг мельком увидел человека, стоящего у входа во дворик. Неизвестно, как долго он там находился, не издав ни звука.

Цзи Цинбай сложил ладони и издал поклоном ему по-буддийски.

— Раз настоятель уже пришел, почему не входите? — Тань Чжан сидел в инвалидной коляске, небрежно положив руки на колени, спросил.

<http://bllate.org/book/15582/1387630>